

ЦЕЙТЛИН Р. М.

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК»

Определяйте значения слов — и вы избавите мир
от половины его заблуждений

(Декарт)

Термин «старославянский язык» (далее СЯ) относится к кардинальным понятиям палеославистики, и тем не менее он многозначен. Это объясняется как различными лингвистическими направлениями и периодами в изучении СЯ, так и историческими причинами и даже политическими обстоятельствами. Неслучайно в близких значениях в отечественной славистике известны и другие наименования СЯ: кирилло-мефодиевский язык, классический СЯ, а также древнеславянский, древнеболгарский, древнецерковнославянский, церковнославянский, староцерковнославянский.

Наиболее употребительны: в сербохорватской славистике — старославенски или старословенски [единственный в мире институт СЯ (в Загребе) называется «Старославенски институт» = Staroslavenski zavod]; в болгарской — старобългарски; в чешской — staroslověnský, staroslověnština; во французской — vieux-slave; в английской — Old Church Slavonic; в немецкой — Altbulgarisch, Altkirchenslavisch; в польской — staro-cerkiewno-słowiański, starobułgarski.

Примечательно, что у одного и того же автора встречаются различные наименования СЯ. Например, название статьи М. Вейнгарта «Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec» (Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini. 1939. I), книги «Rukovět' jazyka staroslověnského» (Praha, 1937—1938). Н. Ван-Бейк называет свои работы: «Zur Komposition des altkircheslavischen Codex Suprasliensis» (Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeling Letterkunde. 1925. Deel 59. Serie A. № 4); «O prototypie cerkiewnosłowiańskiego Codex Zographensis» (Rocznik slawistyczny. 1921, IX); «Zu den altbulgarischen Halbvokalen» (Archiv für slawische Philologie. 1921—1922. T. 37; 1924—1925. T. 39; 1925—1926. T. 40). Й. Курц называет свои статьи: «Проблема члена в старославянском языке» (Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963); «Проблемата за члена в старобългарския език» (Език и литература. 1962. № 3); доклад на IV Международном съезде славистов 1958 г.: «Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva» (Praha, 1958). Работы С. Слонского названы: «Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim)» (Warszawa, 1937); «Prefiksy ob-/o- i ot-/o- w języku starobułgarskim» (Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski. II. Warszawa, 1928); «Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego)» (Warszawa, 1950). Подобные примеры легко умножить, они относятся к типичным случаям обозначения понятия СЯ.

В начале XIX в. в русском и в большинстве других славянских языков употреблялись наименования «славянский», «славенский» или «словенский». Знаменитое «Рассуждение о славянском языке» (1820) А. Х. Востокова начиналось словами: «Довольно уже писано о языке славянском, или вернее *словенском*, на который переложены в IX в. церковные книги для болгар и для моравов» [1, с. 1]. В примечании говорится: «...под *словенами* же или *славянами*... разумелись люди *словесные*, коих речь можно понимать, в противоположность *немцам*» [1, с. 1—2]. После того, как Востоков определил звуковое значение юсов как носовых гласных и ряд других существенных особенностей языка древних славянских рукописей, он и его последователи стали называть этот язык «славеноболгарским», вкладывая в это наименование двойной смысл: (1) указание на всеобщее распространение этого языка в славянских странах и (2) на его народную (болгарскую) основу. А. Х. Востоков писал, например, Евг. Болховитинову: «Вы изволили, конечно, видеть...мнение, какое я имею о первоначальном употреблении букв ж, ѡ, ѡ, ѡ в кирилловской азбуке, и том, что азбуки, сими буквами изображаемые, принадлежали языку болгаров или дунайских славян» [2, с. 1]; Н. П. Румянцеву: (говорится о том, что изучение трудов Добровского и Вука Караджича) «...подкрепляет догадку мою о тождестве церковнославянского языка с древним славеноболгарским» [2, с. 29]; К. Ф. Калайдовичу о его трудах: «...сей богатой сокровищницы древности славеноболгарского языка» [2, с. 135]. Точку зрения Востокова разделяет О. М. Бодянский, который называет свою статью — «О древнейшем свидетельстве, что церковно-книжный язык есть славяно-болгарский» [3]. Другой последователь Востокова — П. С. Билярский, исследовав среднеболгарские рукописи, доказал их связь и генетическое родство с древнейшими славянскими рукописями, с одной стороны, и с новоболгарским языком, с другой [4].

Аналогичной точки зрения на происхождение СЯ придерживались и ведущие европейские слависты, особенно после открытий А. Х. Востокова. Так, Й. Добровский писал: «Славянские церковные книги пришли не от моравян к болгарам (*nicht aus Mähren zu den Bulgaren*), но наоборот через Кирилла и Мефодия из Болгарии к моравянам (*aus der Bulgarey nach Mähren*) и позднее также непосредственно из Болгарии и Сербии в Россию» [5, с. 97]. Характерно примечание к изданию этой монографии Й. Вайса: «Константин и Мефодий, солуняне по рождению, говорили, как и все македонцы до сих пор говорят, болгарским наречием» («...jako dosud všichni Makedonci mluví, nářečím bulgarským») [5, с. 193]. Аналогично мнение М. Вейнгарта: «... и следовательно, старославянский язык — старое южномакедонское наречие и своими языковыми чертами принадлежит к болгарской языковой области» («... do jazykového území bulharského») [6].

Термин «старославянский язык» начинает употребляться в трудах русских славистов с 40-х годов XIX в., видимо, прежде всего в школе И. И. Срезневского, но параллельно с наименованиями «древнецерковнославянский язык», «древнеболгарский язык», «церковнославянский язык». Разнобой в терминологии обязывал каждый раз оговаривать употребление того или другого термина, уточнять его значение. Так, А. И. Соболевский писал: «Церковнославянский, или старославянский, или древнеболгарский язык — тот язык, на который славянские первоучители св. Кирилл и Мефодий перевели с греческого книги священного писания и богослужебные и который, после их кончины, сделался литературным языком болгар, сербов и русских» [7].

После Великой Октябрьской революции термин СЯ становится основным в ряду своих синонимов. Так он называется во всех вузовских программах и учебниках. В 1940 г. слово *старославянский* впервые фиксируется в русской лексикографии: «*Старославянский* (лингв.). 1. О языке: то же, что древнеболгарский, древний церковнославянский язык. С. язык. 2. Написанный на таком языке. *Памятники старославянской письменности*» [8]. Поэтому никого не удивляло, что название книги Н. Ван-Бейка «*Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*» (Berlin — Leipzig, 1931) было передано по-русски «История старославянского языка» (М., 1957).

Утвердившись в употреблении, СЯ как термин не утратил своей многозначности. Споры о его содержании в основном ведутся в двух направлениях: I. (1) следует ли хронологически ограничить СЯ временем деятельности Кирилла и Мефодия и (2) следует ли под СЯ понимать язык первых славянских богослужебных и близких к ним по содержанию книг (которые не дошли до нас), а также самых древних рукописей, которые сохранились до наших дней; II. (1) к какому языку (к каким говорам, на основе которых в скором времени сформировался определенный славянский язык) по своей народной (диалектной) основе принадлежит язык первых книг, созданных Кириллом и Мефодием и их непосредственными учениками и помощниками; (2) каковы по своей языковой принадлежности древнейшие из известных нам славянских рукописей, которые обычно именуют «классическими» или «каноническими» старославянскими памятниками (с лингвистической точки зрения точнее следовало бы называть их рукописями).

«Для меня,— пишет, например, Г. А. Хабургаев,— остается принципиальным определение СС [старославянского языка] как языка *п е р в ы х с л а в я н с к и х п е р е в о д о в*, выполненных в середине IX столетия, ибо языковая система первых переводов, какой она восстанавливается и описывается на протяжении уже более полутора столет..., не тождественна тому, что обнаруживается в старейших сохранившихся текстах, включая и древнеболгарские» [9, с. 6]. Действительно, те языковые факты, которые многие исследователи относят ко второй половине IX в. суммарно, не образуют реально существовавший живой и письменный язык этого времени, так как восстанавливаются изолированные языковые явления различных уровней (преимущественно фонетические и морфологические), нередко не совпадающие друг с другом по времени и ареалу. Эти языковые факты искусственно группируются в некую абстрактную языковую систему, как правило, не отличающуюся от той, которая до недавнего времени реконструировалась для позднего праславянского языка, но которую в данном случае называют «кирилло-мефодиевским» или «классическим старославянским языком» или вообще СЯ. При этом обычно игнорируется диалектная дробность позднего праславянского языка (что неопровержимо доказано этимологами-славистами наших дней). О необходимости отделения СЯ от праславянского неоднократно писали Г. А. Ильинский, Ф. Ф. Фортунатов, А. Мейе.

Обосновывая закрепление наименования СЯ только за языком кирилло-мефодиевских текстов (до нас не дошедших), Г. А. Хабургаев далее пишет: «...если быть последовательным, то надо признать, что все *с о х р а н и в ш и е с я с л а в я н с к и е р у к о п и с и*, включая и древнеболгарские памятники X—XI вв., отражая стремление их переписчиков следовать авторитетным для них орфографическим нормам, вместе с тем *о т р а ж а ю т и м е с т н ы е я з ы к о в ы е ч е р т ы...*» [9, с. 9]. Далее Г. А. Хабургаев пишет: «...необходимо сделать замечание терминологического характера относительно языка старейших *с о х р а н и в -*

шихся текстов балканского происхождения. В полном соответствии с принятой в современной Болгарии терминологией он может быть назван литературным древнеболгарским — в том смысле, в каком язык ОЕ [Остромирова евангелия] может (и должен — см. далее) быть назван литературным древнерусским...» [9, с. 10].

Примечательно, что попытка восстановить сплошной текст СЯ на примере воссоздания языка четвероевангелия кирилло-мефодиевского времени, предпринятая в 1935—1936 гг. патриархом чешской славистики, крупнейшим знатоком древней славянской письменности Й. Вайсом, не увенчалась успехом и была признана специалистами неудачной.

Для воссоздания и изучения языка кирилло-мефодиевских переводов (памятники которого в списках IX в. не дошли до нас) используют рукописи, различные по месту и времени их написания, если их протографы восходят к эпохе Кирилла и Мефодия. Чем далее по времени и языковым особенностям эти источники отстоят от языка кирилло-мефодиевских текстов, тем сложнее задача исследователя. Преимущество отдается наиболее древним (из сохранившихся) рукописям и наиболее близким по содержанию и языку к утраченным манускриптам второй половины IX в. Такими рукописями прежде всего являются рукописи X—XI вв., написанные в юго-западной (Македонской) и северо-восточной Болгарии. До нас дошло 17 таких рукописей. Одиннадцать из них глаголические — евангелия Зографское, Мариинское, Ассеманиево, Охридские отрывки, Зографский палимпсест, Боянский палимпсест; Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Рыльские листки. Шесть рукописей написано кириллицей: Саввина книга, Листки Ундольского, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Зографские листки, Енинский апостол. Эти рукописи часто называют «классическими» или «каноническими» памятниками СЯ (в отличие от более поздних болгарских или созданных книжниками на других славянских языках).

Некоторые ученые в число старославянских включают и чехо-моравские Киевские листки X в. — перевод с латинского оригинала мессы по римско-католическому образцу, в которых содержатся яркие черты древнечешского языка (прежде всего употребление *ц* и *з* там, где в остальных старославянских рукописях — *шт*, *жд*, например, *подазь*, а не *подаждь*, *оббѣнне*, а не *оббштанине*). Отдельные исследователи включают в число старославянских и древнерусское Остромирово евангелие 1056—1057 гг. — список с восточноболгарской рукописи (возможно, не непосредственный, а через стадию нескольких других русских списков). Остромирово евангелие написано древнерусским писмом, о чем свидетельствует ряд его языковых особенностей.

Бесспорно, нельзя утверждать, что известные нам даже древнейшие старославянские рукописи (видимо, второй половины X в.) тождественны во всех своих языковых чертах утраченным рукописям второй половины IX в., т. е. тем, которые обычно называются «кирилло-мефодиевскими». Язык развивается непрерывно. И все же необходимо учитывать различные темпы и интенсивность изменения языковой системы письменного литературного языка на всех ее уровнях в течение второй половины IX—X в. и в последующие эпохи. Чем ближе к нашему времени, тем все более убыстряется и интенсифицируется процесс языковых изменений. Важно иметь в виду, что между языком второй половины IX—X в. и даже XI в. не было столь резких различий, которые наблюдаются в более поздние эпохи. Считается, например, что одна из древнейших старославянских рукописей — Зографское евангелие — является второй (по мне-

нию И. Добрева) или третьей (по мнению Й. Курца) копией с рукописи кирилло-мефодиевского времени.

Решение вопроса о степени близости языка Кирилла и Мефодия и языка сохранившихся древнейших славянских рукописей значительно облегчается анализом языка многочисленных надписей (их число доходит до 80), найденных в письменных центрах Болгарии. Обнаружены надписи на различных материалах (на камне, керамике, металле) и различного содержания (надгробные, настенные, на бытовых предметах и некот. др.). Назовем хотя бы следующие: надпись Павла хартофилакса на стене Круглой церкви в Преславе, построенной при Симеоне, возможно, ее следует датировать даже концом IX в.; надпись на глиняной табличке в этой же церкви; самая древняя датированная надпись — надпись 921 г. в скальном монастыре ок. села Крепча (недалеко от г. Провадия); надпись на корчаге 930—931 гг. в Преславе. Ранее известные датированные надписи: Добруджанская 943 г., надпись Мостичу (последней трети X в.), надпись Самуила 993 г.

Множество таких надписей, содержащих отдельные слова или связный текст, позволяет судить о фонетических и отчасти морфологических и лексических особенностях языка X в. При этом нужно учитывать, что датированные надписи 921 и 930—931 гг. по времени отстоят от года смерти Мефодия (885 г.) всего на 36—46 лет, т. е. относятся к эпохе, когда еще были живы его непосредственные ученики и помощники, продолжавшие дело его и его брата, говорившие с ними на том же языке. Язык этих надписей и по палеографическим, и по собственно языковым приметам чрезвычайно близок (если не идентичен) языку древнейших глаголических и кириллических рукописей СЯ. Важно также отметить, что в последние годы найден ряд надписей, сделанных и глаголицей, и кириллицей в одном и том же месте, например, на стенах Круглой церкви в Преславе (см. [10] с литературой вопроса). Сошлюсь также на доклад П. Попконстантинова о только что найденных оловянных табличках, прочитанный на 2-м Международном конгрессе болгаристов в мае 1986 г.

Разумеется, анализ языка кирилло-мефодиевских сочинений, пока мы не располагаем оригиналами IX в., возможен лишь в ретроспективном плане. Для этого следует тщательнее и современными методами изучать те рукописи, которые нам известны, исходить из конкретных языковых фактов, а не ограничиваться теоретическими рассуждениями. Многого, видимо, следует ожидать от чтения современными методами палимпсестов, которых немало в наших архивах. Напомним открытые недавно таким способом Ив. Добревым Зографский и Боянский палимпсесты.

Кирилло-мефодиевская проблематика с конца XVIII в. и до наших дней не перестает быть в центре внимания палеославистов. По подсчетам Св. Николовой, в этой области славистики работало около 300 исследователей и опубликовано свыше 6 000 работ, из которых более половины появилось после второй мировой войны [11]. «Все дореволюционные руководители университетской славистики, — пишет в своем обзоре К. И. Логачев, — начиная с П. И. Прейса, внесли значительный личный вклад в разработку кирилло-мефодиевской проблематики. Сразу же необходимо отметить, что все они придерживались позиции, согласно которой основой языка древнейших славянских переводов является древнеболгарский язык» [12]. Добавим, что и московские филологи XIX — нач. XX в. уделяли большое внимание кирилло-мефодиевской проблематике, большинство из них считало диалектной основой СЯ древнеболгарский язык. Даже осторожный в своих выводах и далекий от общифилологических

проблем Ф. Ф. Fortunatov писал: «Старославянский язык принимают теперь обыкновенно за язык древнеболгарский, и хотя такое решение этого вопроса не может считаться пока вполне верным, во всяком случае несомненно, что язык старославянский находится в ближайшем родстве с древнеболгарским» [13]. Fortunatov имеет в виду народный древнеболгарский язык.

Все специалисты сходятся на том, что СЯ — первый письменно-литературный язык общеславянского значения и распространения — был создан братьями Кириллом и Мефодием, высокообразованными людьми, уроженцами г. Солуны. Кирилл и Мефодий изобрели первую славянскую азбуку. По мнению большинства ученых — глаголицу. Созданная позднее, вероятно, в Преславе (при Симеоне) кириллица очень близка к начертаниям греческого унциального письма, она значительно легче для усвоения, чем глаголица, и поэтому получила большее распространение. На Руси славянская письменность была заимствована из Болгарии в X в. и на кириллице; глаголица употреблялась крайне редко (преимущественно в тайнописи). Кирилл и Мефодий были создателями не только азбуки, но и первых славянских переводов необходимых богослужебных книг с греческого и нескольких оригинальных сочинений. Братьям помогали их ученики сначала в Византии (этот период в современной чешской славистике иногда называют прастарославянским), а затем в Великой Моравии, куда они были приглашены моравским князем Ростиславом в 863 г. для проповедования христианства по византийскому образцу, но на понятном славянском языке. Князь Ростислав преследовал политические цели — желал парализовать деятельность латинско-немецкого духовенства и тем самым пресечь влияние немецкого императора. В Моравии у братьев было много местных учеников и последователей.

Вызывает острые споры вопрос о национальности Кирилла и Мефодия: были ли они греками или славянами. Для окончательного его решения, видимо, наука никогда не сможет получить неопровержимые аргументы. Применительно к СЯ этот вопрос представляется несущественным. Важны данные самого языка, который обработали и которому придали письменно-литературную форму Кирилл и Мефодий и их сподвижники. Заметим, что часто употребляемое выражение «Кирилл и Мефодий создали СЯ» неточно: при всей их гениальности и образованности они не могли создать язык; язык создает народ, но его выдающиеся представители оказывают на него определенное влияние. Существенно и бесспорно одно — Кирилл и Мефодий в совершенстве владели и греческим, с которого блестяще переводили сложнейшие тексты, и тем славянским говором, который знали с детских лет и на который опирались как на основу, создавая славянскую письменность. Созданная ими азбука свидетельствует о том, что они обладали исключительным фонологическим чутьем.

Какие же черты присущи солунскому, а также охридскому и плиско-преславскому говорам, которые позволяют со всей определенностью относить их к тому славянскому языку, который в IX—X вв. формировался и сохраняется до наших дней под именем «болгарского языка»? Эти особенности пронизывают всю структуру рукописей СЯ, на всех его уровнях. Назову только самые яркие (хрестоматийные), которые отсутствуют в других славянских языках: (1) употребление *шт*, *жд* на месте праславянских **tj/*kt*, **dj*; (2) «якающее произношение» *†* (что непосредственно отражено в глаголице); (3) дательный притяжательный. Приведу несколько примеров: (1) ст.-слав. *ношть* — (в современных языках) болг. *нощ*, русск. *ночь*, чеш. *нос*, серб.-хорв. *ноћ*; ст.-слав. *плешти* —

болг. *плещи*, русск. *плечи*, чеш. *plese*, серб.-хорв. *plěhi*; ст.-слав. *межда* — болг. *межда*, русск. *межа*, чеш. *meze*, серб.-хорв. *међа*; ст.-слав. *рѣжда* — болг. *рѣжда*, русск. *ржа*, чеш. *rez*, серб.-хорв. *рђа*; (2) ст.-слав. *бѣлъ* — болг. *бял*, русск. *бел*, чеш. *bílý*, серб.-хорв. *био*; ст.-слав. *вѣтръ* — болг. *вятър*, русск. *ветер*, чеш. *vitr*, серб.-хорв. *вјѣтар*; ст.-слав. *тѣло* — болг. *тяло*, русск. *тело*, чеш. *tělo*, серб.-хорв. *тјѣло*; (3) ст.-слав. *гласъ плачоу, избытъкы оукроухомъ, другъ ми, жена гемоу* вместо обычного в славянских языках род. притяжательного. Но ср. совр. болг.: *брат му, женами, баща им*.

Необходимо отметить, что некоторые ученые употребляют определение «македонско-болгарские говоры СЯ», которое означает географическое положение данных говоров СЯ — юго-западных болгарских (на территории Македонии) и северо-восточных болгарских говоров. Ср.: «СЯ... был создан на основе болгарско-македонских говоров окрестностей Солуны» [14]; в основу СЯ «лег болгаро-македонский говор, принесенный в Моравию Константином и Мефодием» [15]. «Первоначальный этап развития древнеславянского литературного языка представлен языком первых литературных памятников, созданных Константином и Мефодием еще в Византии во время подготовки к их миссионерской и учительской деятельности в Великоморавском государстве; этот язык... не сохранился в первоначальном виде..., но общепризнано, что был основан на болгарско-македонских говорах окрестностей г. Солунь» [16]. Совершенно очевидно, что один и тот же говор не мог принадлежать двум языкам, имеется в виду македонский говор древнеболгарского народного языка. Об этом же пишет и Я. Петр: «Македонский диалект староболгарского языка был основой кирилло-мефодиевского старославянского языка» («Makedonský dialekt starobulharského jazyka tvořil základ cyrilometodějské staroslověnštiny») [17].

Аналогично говоры, именуемые применительно к тому же времени «паннонскими» и «моравскими», не являются говорами «паннонского» и «моравского» языков (таких языков не было!). «Моравские говоры» — это говоры древнечешского языка на территории Моравии и соответственно «паннонские» говоры — это различные славянские говоры на территории древней Паннонии.

Юго-западные (македонские) и северо-восточные болгарские говоры были говорами одного языка — древнеболгарского. «В настоящее время преобладает взгляд,— писал В. Н. Щепкин,— что язык первоучителей был одним из наречий древнеболгарского языка... Востоков указывал на ближайшее родство старославянского языка с болгарским... Иные взгляды на родину старославянского языка могли держаться, пока оставались недостаточными наши сведения о наречиях болгарского языка» [18]. «Труды Щепкина,— заключает С. Б. Бернштейн,— вместе с работами В. Облака и некоторых других славистов окончательно утвердили в науке положение о том, что старославянский язык в своей основе восходит к одному из говоров болгарского языка» [19]. В «Истории культуры древней Руси» уточняется: «Кирилл и Мефодий были, по-видимому, славянами из византийского города Солуны..., следовательно, македонскими болгарскими... братья перевели необходимые богослужебные книги с греческого на тот единственный славянский язык, который они знали с детских лет, т. е. на родной македоно-болгарский язык» [20]. Д. С. Лихачев пишет: «Общий для всех славянских, а отчасти и неславянских литератур язык „высокой“ литературы, так называемый церковнославянский (я употребляю это название как вошедшее в русский язык и поэтому не могущее быть произ-

вольно измененным), был языком национальным, болгарским по своему происхождению и наднациональным по своей функции» [21]. Совсем недавно в своем диалоге с писателем Н. Самвеляном в газете «Литературная Россия» (1986. 28 ноября) под названием «Что век грядущий нам готовит» Д. С. Лихачев сказал: «...Так же, как и некоторые другие культуры, Болгарская культура, с Кириллом и Мефодием, создала язык наднациональный. Болгары могут гордиться тем, что Кирилл и Мефодий на основе староболгарского языка создали литературный язык, который был одинаково понятен всем южным и восточным славянам». Д. Н. Шмелев замечает: «Особую роль в истории русского литературного языка играл на протяжении столетий старославянский язык... Еще его называют древнеболгарский, так как переводы были сделаны на один из диалектов болгарского языка» [22]. Аналогичную точку зрения на народную основу СЯ высказывали Б. М. Ляпунов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Е. Ф. Карский, М. Н. Сперанский, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Л. А. Булаховский, Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин и другие виднейшие слависты нашей страны, а также многие зарубежные ученые.

Н. Н. Дурново подчеркивал, что «несмотря на все различия между текстами македонскими и восточноболгарскими, трудно указать такие черты, которые были бы нормированы в той или другой группе как черты, характерные для нее... Словарные различия между текстами македонскими и восточноболгарскими сводятся к пополнению общего словаря словарными дублетами: кирилло-мефодиевские переводы и в восточноболгарских списках сохраняют в общем старый словарь, а симеоновские переводы и в македонских списках заключают слова восточноболгарского происхождения» [23]. Н. Н. Дурново имеет в виду так называемые охридско-преславские или еще менее точно глаголическо-кириллические параллели (дублеты) типа *велии* — *великъ*, *выа* — *шиа*, *гоумьно* — *токъ*, *пастырь* — *пастоухъ*, *съвѣдѣтель* — *послоухъ* и ряд подобных. Исследования последних лет подкрепляют положения Н. Н. Дурново. Так, например, в Зографском евангелии — одной из древнейших глаголических рукописей СЯ — выявлены в значительном количестве так называемые преславизмы, т. е. слова, типичные для кириллических текстов, типа *блюдо*, *жизнь*, *моучити сѧ*, *о лѣвъжѣ*, *масло*, *пастоухъ*, *понтѧвица*, *свирати*, *свирыць*, *стъклѣница* (ср. соответствующие так называемые охридизмы — *миса*, *животъ*, *ключити сѧ*, *о шоуъжѣ*, *олѣи*, *пастырь*, *плаштаница*, *пискати*, *сопыць*, *алавастръ*). В то же время в Супрасльской рукописи, написанной кириллицей и, вероятно, в Преславе, употребляются характерные для этого манускрипта производные от «охридских» слов — *бесхрамьникъ*, *боуиство*, *велииство*, *приснодѣва*, сложения на *вель-* и *веле-*, которые отсутствуют в большинстве «охридских» глаголических рукописей. Приведенные и множество других фактов различных языковых уровней свидетельствуют о том, что известные нам рукописи СЯ (имеются в виду перечисленные выше 17 рукописей) являются рукописями одного языка. Новые данные к тому же полностью опровергают традиционное представление о том, что язык преславских рукописей был менее совершенен, менее богат выразительными средствами, чем язык охридских рукописей (подробнее в [24]).

Определение живой народной основы СЯ чрезвычайно важно, так как невозможно изучать любой книжный (литературный) язык любого времени, игнорируя эту основу, которая определяет систему данного языка.

Это положение в полной мере относится и к СЯ как первому письменно-литературному языку славянских народов эпохи раннего средневековья. О СЯ все еще будет традиционное и глубоко неверное младограмматическое представление как о языке пскуственном. Когда СЯ называют древнеболгарским, имеют в виду не какой-то диалект или диалекты народного болгарского языка той эпохи, а к н и ж н ы й болгарский язык, который усвоил черты многих болгарских говоров (и в этом смысле наддиалектный) и который, имея в своей основе народный язык, значительно от него отличается богатством своих выразительных возможностей.

СЯ в основном содержит общеславянские слова (хотя их болгарские значения нередко не совпадают со значениями сходно звучащих лексем других славянских языков). Большое место в его словарном составе занимают грецизмы (через греческое посредство были заимствованы и отдельные сирийские и древнееврейские слова), каждое пятое или шестое слово в словаре 17 старославянских рукописей (названных выше) — грецизм (при этом большинство их книжного происхождения, но имеются и такие, которые проникли в СЯ из болгарских говоров, территориально граничивших с греческими поселениями). Каждое 16-е слово в СЯ — сложное, подавляющее большинство их книжного происхождения, они созданы по моделям греческих сложений. По греческим моделям в СЯ образован и ряд других калек, а по их образцам — многие книжные лексемы СЯ. Значительно было влияние греческого языка и в синтаксисе СЯ. В течение X—XI вв. ряд грецизмов заменяется словами живого языка, многие грецизмы употребляются параллельно с лексемами из народной болгарской речи. Тюркские слова в лексике СЯ малочисленны. Особое место в словаре СЯ занимают паннонизмы и моравизмы, которые вошли в СЯ в период деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии и Моравии. Проблема лексических моравизмов и особенно паннонизмов мало изучена.

В связи с принятием христианства по византийскому образцу в России в X в. и в Сербии на рубеже XII—XIII вв. широкое распространение получили кирилло-мефодиевские переводы с греческого богослужебных книг (преимущественно тексты евангелия, апостола и псалтыри) и некоторые оригинальные сочинения на СЯ. С распространением у этих народов письменности, пришедшей из Болгарии, местные книжники стали копировать старославянские тексты, постепенно от копии к копии насыщая язык переписываемых рукописей чертами своего языка. Язык этих рукописей обычно называют церковнославянским (реже старославянским) изводом (или редакцией) соответственно древнерусского и древнесербского языков. О древнечешском изводе нам известно меньше (эти книги к концу XI в. были почти полностью уничтожены), чем о древнерусском и древнесербском, от последних сохранилось значительное количество рукописей. Много таких рукописей, начиная с XI в., дошло до нас на древнерусском церковнославянском языке [25], а от рубежа XII—XIII вв. и позднее — на древнесербском. Изводы настолько пропитывались чертами языка своих писцов (переписчиков), что постепенно от списка к списку почти переставали отличаться от книжного (высокого) слога соответственно древнерусского и древнесербского языков, поэтому их целесообразно рассматривать в границах каждого из этих языков. Генетические старославянизмы в них постепенно получали высокую стилистическую окраску, совпадающую по стилю с исконно русскими и сербскими словами, создаваемыми также и по старославянским моделям. Поэтому терминологически существенно различать «старославянизмы» (генетически из СЯ) и «славя-

низмы» (исконно русские/сербские слова высокого стиля, специфически книжные) [26].

Древнечешский извод СЯ известен нам только по четырем прямым источникам: фрагменты — Киевские листки X в., Пражские листки XI — XII вв.; глоссы Ягича и Патеры (в них суммарно около 295 слов). Остальные рукописи (жития Вячеслава и Людмилы и некоторые другие произведения) дошли до нас в поздних списках (преимущественно русского извода). Отдельные черты кирилло-мефодиевского языка сохраняются в рукописях древнечешского языка богослужебного содержания конца XIII в. и позднее, хотя эти рукописи — переводы с латинского, а не с греческого.

Целый ряд древних славянских рукописей палеослависты относят одновременно к двум языкам — к старославянскому (или церковнославянскому) как первому общеславянскому письменно-литературному языку и к языку писца данной рукописи. Так, нередко считают Остромирово евангелие и древнерусской рукописью (по говору ее писца, в ней отраженному), и старославянской с древнерусскими особенностями, поскольку в ней, кроме русских, последовательно отражаются и черты ее восточно-болгарского протографа. Некоторые палеослависты и богемисты (Вейнгарт, Гуйер, Бауэр, Вечерка и др.) считают Киевские листки и старославянским памятником с древнечешскими особенностями, и самой ранней рукописью в истории чешского языка (а словакисты и словацкого).

В результате такого расширительного понимания СЯ, когда к СЯ относят и рукописи, написанные писцами, родным языком которых являются древнерусский, древнечешский, древнесербский языки и т. д., возникает многозначность СЯ как термина. Отсюда — необходимость в каждом исследовании оговаривать состав прямых источников, которые автор относит к числу старославянских и на данных которых строит свою работу.

В последние годы отдельные ученые пользуются наименованием «многодиалектная основа СЯ», т. е. в число прямых источников СЯ включаются не только так называемые «классические» рукописи СЯ — перечисленные выше 17 рукописей (при этом опускается указание на их живую народную основу), но и все древние рукописи, созданные чешскими, русскими, сербскими и (в последнюю очередь!) болгарскими книжниками, протографы которых восходят к кирилло-мефодиевскому времени или вообще относятся к кругу богослужебных книг. Примечательно, что наименование «многодиалектная основа СЯ» применяется в общих высказываниях о СЯ, а не в конкретных исследованиях по этому языку. Это наименование ничего не дает для изучения определенных вопросов СЯ по реальным источникам, так как такой анализ прежде всего требует определить диалектную основу исследуемой рукописи — каков живой народный язык ее писца и каков язык ее протографа, т. е. установить, относится ли данный источник к «классическим» рукописям СЯ или к одному из его изводов.

Необходимо иметь в виду, что СЯ (сформировавшийся на основе болгарских говоров) — не только первый славянский литературно-письменный язык общеславянского распространения и значения в эпоху раннего средневековья, но одновременно в истории болгарского литературного языка — начальная эпоха его собственной, «внутренней» истории, а потому в этом качестве СЯ закономерно называется только древнеболгарским, а его рукописи — древнеболгарскими. Такова общепринятая терминология историков болгарского языка, в том числе и советских. Так, в моей книге «Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв.» [27] о лексике

древнеболгарских рукописей говорится прежде всего как об одном из уровней литературно-письменного болгарского языка X—XI вв. Задача исследования: «Синхронное изучение лексики древнеболгарских рукописей как одного из уровней литературно-письменного болгарского языка X—XI вв., т. е. как определенной лексической системы (а не только как материалов для восстановления словаря первоначальных переводов кирилло-мефодиевского времени...)» ([27, с. 6]; разрядка в журнальном варианте наша. — Ц. Р.). Еще С. П. Кульбакин писал: «В настоящее время, когда болгарское происхождение языка древнейших церковнославянских текстов доказано, грамматика церковнославянского языка должна представить первые главы исторической грамматики болгарского языка» [28].

Сравнительное изучение древних славянских языков невозможно без определения диалектной основы их рукописных источников.

С 40-х годов XX в. на территории Вардарской Македонии (ныне Социалистическая республика Македония в составе СФРЮ) начинает формироваться самостоятельная македонская нация со своим литературным языком на базе местных говоров, со своей литературой и культурой. Всестороннее изучение этого события и исторических причин, его обусловивших, позволяет со всей определенностью заключить, что в IX—XI вв. (а мы здесь касаемся только этого, «старославянского» периода) население тогдашней Македонии говорило на древнеболгарском языке (его юго-западных говорах; см. выше).

Предыстория современного македонского литературного языка и история современного болгарского литературного языка восходят к общему источнику — к древнеболгарскому языку, который как письменный язык, кроме обслуживания нужд своего народа (государственных, богослужбных, литературных), имел и громадное международное значение как первый письменно-литературный язык средневекового славянства (и который в этой своей функции обычно называется старославянским). В своей статье в «Вопросах языкознания» Х. Бирнбаум писал: «...хотя и не может быть, конечно, никакого сомнения в независимом статусе современного македонского как литературного языка, нет оснований допускать существование древнемакедонского (или даже среднемакедонского) в средние века или в начале новейшего периода» [29].

Между тем в связи с образованием македонского литературного языка стали встречаться: (1) указания на то, что солунский говор времени Кирилла и Мефодия был говором древнемакедонского языка (хотя такого славянского языка в IX в. не было); (2) вместе с тем отрицание понятия «древнеболгарский книжный язык» и понятия «древнеболгарская письменность» (и даже утверждение, что древнеболгарская литература написана на чужом для болгар — старославянском языке), мотивируемое тем, что самоназвание болгар — тюркского происхождения. При этом игнорируется тот неопровержимый факт, что древнеболгарский язык, который нам известен по надписям и рукописям, — не тюркский, а — славянский, а древнеболгарская литература написана на славянском языке с вполне определенными чертами, которые сохраняются, в отличие от других славянских языков, и в современном болгарском языке (как в литературном, так и в его говорах).

В связи с изложенными взглядами на происхождение македонского литературного языка известное распространение получило и толкование СЯ как вообще южнославянского языка (с выделением только тех языковых особенностей, которые объединяют данную группу языков, и замалчи-

ванием собственно болгарских черт СЯ, отличающих этот язык от остальных древних южнославянских языков; наиболее яркие из них указаны выше). Изредка СЯ называют просто балканским языком по своей живой основе (без указания языковых признаков). Нередко диалектной основой СЯ называют македонский говор без указания, к какому языку того времени он относится, при этом у неискушенного читателя/слушателя создается впечатление, что имеется в виду говор именно македонского языка того времени. Между тем есть все основания утверждать, что во второй половине IX в. и тем более в X—XI вв., от которых до нас дошли рукописи СЯ, уже сложилась та этническая славянская общность, которая вскоре получила наименование «болгарский народ, болгары». Первое упоминание слова *българинъ* как самоназвание славян-болгар относится к началу XI в. (в Битольской надписи Ивана Владислава 1015—1016 гг.). В связи с этим следует учитывать установленную закономерность — на письме слово обычно фиксируется много позднее его возникновения в языке в определенном значении. «Процесс формирования болгарского народного языка шел несколько сот лет, — пишет С. Б. Бернштейн. — Завершение его нужно отнести ко второй половине IX в. К этому времени завершился и процесс создания болгарского народа» [30]. Добавим, что этим временем датируется и создание первой славянской азбуки и славянской письменности на болгарской языковой основе, получивших вскоре общеславянское распространение. Ср. точное определение СЯ в энциклопедии «Русский язык»: «Старославянский язык — древнейший литературно-письменный язык славян, зафиксированный в памятниках 10—11 вв., продолжавших лит[ературную] традицию переведенных в 9 в. Константином (Кириллом) и Мефодием... и их учениками с греч[еского] языка христианских церковных книг... В основу его был положен южномакедонский (солунский) диалект древнеболгарского языка» [31].

Тем не менее даже наши справочные издания, рассчитанные на широкий круг читателей, в ряде случаев дают неверные объяснения природы СЯ. Например, в «Советском энциклопедическом словаре» 1980 г. читаем: «Старославянский язык... сложился на основе перевода с греч. яз. богослужебных книг на южно-макед. (солунский) диалект» [32]. К какому языку относится этот диалект — не указывается, ничего не говорится и о памятниках СЯ, созданных не только на диалектной основе юго-западных (македонских) древнеболгарских говоров, но и на основе северо-восточных говоров этого же языка в X—XI вв.

В «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.» в состав «славяно-русских», кроме, разумеется, 319 древнерусских рукописей, безоговорочно зачисляются 15 «старославянских», 86 «среднеболгарских» и 74 «сербских» [25, с. 14, 384]. Между тем слово *славяно-русский* означает применительно к лингво-текстологическим вопросам «русский со славянскими (=старославянскими) чертами». Ср. название классического труда А. Х. Востокова — «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея» (СПб., 1842). В книге «Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР» об этих рукописях сказано: «...русские и славянские рукописи...» [33, с. 3], далее: «Древнейшие славянские (т. е. болгарские и сербские) тексты...» [33, с. 4].

Все старославянские рукописи в [25] характеризуются указанием на «старославянский извод», при этом в него без комментариев включаются чехо-моравские Киевские листки и все старославянские рукописи с древнеболгарской основой (см. описания рукописей, а также с. 384). «Разделение рукописей по языковой принадлежности не производится», — сказано

в предисловии «От редакции книги» [25, с. 8], хотя практически это делается для всех рукописей, кроме старославянских. В описании, например, «Саввиной книги» [25, с. 30—33] часто цитируется монография В. Н. Щепкина, но опущен один из его основных выводов: «Саввина книга... списана... с глаголического оригинала» и «Если допустить — в чем теперь едва ли возможно сомневаться — что наречие глаголических памятников XI века есть одно из древних болгарских наречий Македонии, ... то мы должны будем ограничиться выводом, что в X—XI веке господствовавшим письмом в Македонии была глаголица. Но было бы неправильно заключать, что глаголица не была в ту же эпоху столь же известна в некоторых других областях болгарского племени» ([34]; разрядка наша. — Ц. Р.). В то же время в [25, с. 32] о русской части Саввиной книги XIV в. указывается, что в ней есть псковские черты.

О древнеболгарской языковой основе 14 старославянских рукописей ничего не говорится, хотя указываются «среднеболгарские рукописи». Создается впечатление, что составители [25] отрицают существование древнеболгарского письменно-литературного языка и литературы на родном для болгар языке в IX—XI вв. в отличие от древнерусского и древнесербского и литератур на этих языках. Во всяком случае слово *древнеболгарский* ни разу не употребляется в этом труде. В описаниях рукописей не указываются их древнеболгарские протографы. При этом ни разу не отмечается, что древне- и среднеболгарские рукописи отличаются от остальных манускриптов этого же периода рядом фонетических, морфологических, лексических особенностей, которые не встречаются (или встречаются sporadически в результате копирования древнеболгарских оригиналов) в рукописях древнерусского и древнесербского языков и в языке Киевских листков (об остальных древнечешских рукописях в Каталоге не упоминается). В своей рецензии на [25] Г. Роте пишет: «Определение в заглавии неясно: „славяно-русский“, оно наводит на мысль, что относится только к тем старорусским рукописям, которые содержат церковнославянские элементы. Но это не совпадает с материалом ... третья часть из включенных в том рукописей — не восточнославянские, а южнославянские. Большая часть из этих рукописей впрочем не была в Киевской Руси, а попала в Россию только в XIX в. Особенно это очевидно в отношении староболгарских рукописей... Международный научный мир с удивлением должен будет узнать, но едва ли согласится, что Киевские листки (№ 1), Листки Ундольского (№ 11), Охридские листки (№ 13), Маринский кодекс (№ 4), Зографский кодекс (№ 15), Супрасльский сборник (№ 23) или Паренесис Ефрема Сирина из Рыльского монастыря (№ 25) впредь должно будет относить к „славяно-русским“ рукописям... Но и отнесение большого числа среднеболгарских и сербских рукописей к „славяно-русским“ также не приемлемо» [35]. В своей рецензии на [25] В. П. Вомперский отмечает: «Лингвист не может быть удовлетворен кратким указанием извода рукописи... Его интересует достаточно подробная аргументация принадлежности рукописи к той или иной языковой редакции...» [36].

Нарочитая тенденциозность заглавия книги [25] и ряда комментариев к рукописям у неискушенного читателя создает неверное представление о языковой принадлежности 175 древних славянских рукописей, бережно хранящихся в СССР. Древнерусское рукописное наследие — самое богатое из всех славянских (только в [25] описано 319 древнерусских рукописей), и «умножать» его за счет манускриптов других славянских народов нет ни малейшей необходимости, не говоря уже об искажении научной истины. Это лишь вредит престижу отечественной славистики.

В заключение необходимо констатировать, что в нашей стране СЯ и вообще древнеславянская письменность почти перестали изучаться. Как языковедческая дисциплина СЯ вошел в число редких, точнее, вымирающих специальностей. В журнале «Коммунист» в статье «Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС» говорится: «У нас очень мало специалистов по так называемым редким специальностям — в области палеографии..., изучения ... древних языков — греческого, латинского, старославянского, древнерусского» [37]. Такое положение тем обиднее, если вспомнить, что в XIX — нач. XX в. наша страна занимала ведущее место по изучению СЯ. Совершенствоваться в области палеославистики к нам приезжали ученые из Европы и Америки (в Московском университете, например, учился Н. Ван-Вейк). В настоящее время центрами по изучению СЯ стали ЧССР и НРБ, отчасти и ФРГ.

СЯ плохо преподается в большинстве наших гуманитарных вузов, хотя на русском и славянском отделениях он считается обязательной дисциплиной. По данным ВАК, в стране функционирует 68 университетов и 200 пединститутов, но диссертации по СЯ не защищаются уже много лет. Издания старославянских памятников и пособия по СЯ давно уже стали библиографической редкостью, вузовские учебники устарели. Ошибочные и устаревшие данные переписываются из одного пособия в другое. Ограничусь единичными примерами, к сожалению, из значительного количества возможных. Так, слово *государство* в учебниках СЯ обычно называется старославянским по своему происхождению, между тем это слово русское, оно фиксируется словарями древнерусского языка с XV—XVI вв. и не имеет в своей структуре специфически старославянских примет (суф. *-ство*, видимо, принятый авторами за исключительно старославянский, известен всем славянским языкам, идет из праславянского и зафиксирован в народных говорах различных славянских языков). В приводимых примерах, как правило, игнорируется различная семантика и стилистика старославянских и русских слов (одинаковых или близких по написанию). Например, ст.-слав. *брѣгъ*, в отличие от русск. *берег*, обозначало «возвышенность, откос» (при этом не обязательно у воды), ст.-слав. *мѣва*, в отличие от русск. *мѣла* — «шум», ст.-слав. *вдовѣца* в СЯ было неологизмом, а *вдова* — архаизмом (в русском языке — наоборот).

Незнание старославянских текстов нередко приводит к неверным, но категорическим заключениям. Так, Г. А. Хабургаев утверждает, что писцы Енинского апостола «ве отражают носовых гласных» [9, с. 8], хотя ж и а в этой рукописи употребляются этимологически правильно (отмечены суммарно в 463 словоформах!). Ограничимся несколькими примерами. В корнях: *сѣвжъ* 22б 5; *въ жтробѣ* 22а 14; *члдо* 1б 3; *начатъкъ* 7а 3; *азѣци* 20б 17. В надежных формах: *жрътѣж* 34а 15; *въ прѣвжж скиниж* 29а 12; *земѣ* 32а 9—10; *мариѣ* 25б 13. В глагольных окончаниях: *режж* 14а 9; *быважтъ* 30а 7—8; *възнесжтъ сѣ* 2а 3. В причастиях: *осжжѣди* 4а 17; *приблѣди* сѣ 2б 12—13; *просѣ* 3бб 12. В одном из пособий в комментарии к евангельскому стиху «...они же и злиха въ пиѣхъ глѣште. да распѣтъ бждетъ» (по Зографскому евангелию, Мт 27, 23) поясняется — «очень пьяные» (!) [38].

Подчеркивая самобытность русского литературного языка, богатство и выразительность его средств во взаимодействии с СЯ, преподаватели СЯ не показывают, как правило, на конкретных примерах широкие возможности русского языка, сумевшего не только взять из СЯ то или иное слово или оборот, но и развить их, вобрать в свою систему, подчинить ее законам.

Разумеется, в кругу филологических дисциплин СЯ принадлежит скромное место, но оно не должно заполняться неверными сведениями, от этого страдают не только наша наука и ее престиж, но опосредованно общий уровень культуры народа.

Хотелось бы надеяться, что изучение СЯ как первого письменно-литературного языка славян, а также его взаимодействия с различными славянскими языками эпохи раннего средневековья получит определенный импульс в советской славистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восток А. Х. Рассуждение о славянском языке // Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865.
2. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сб. ОРЯС. Т. V. Вып. II. СПб., 1873. С. 1, 29, 135.
3. Бодянский О. М. О древнейшем свидетельстве, что церковно-книжный язык есть славяно-булгарский // ЖМНП. 1843. Ч. 38, июнь. Отд. II.
4. Билярский П. С. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия. СПб., 1847.
5. Dobrovský J. Kyril a Metod — apoštolové slovanští. Praha, 1948.
6. Weingart M. Rukověť jazyka staroslověnského. Praha, 1937. S. 11—12.
7. Соболевский А. И. Древний церковнославянский язык. Фonetика. М., 1891.
8. Толковый словарь русского языка. Под ред. Ушакова Д. Н. Т. IV. М., 1940. Стлб. 488.
9. Хабургаев Г. А. Старославянский — церковнославянский — русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
10. Мещинцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984.
11. Николова Св. Постигения и перспективи на кирило-методиевските изследвания // Старобългаристика. 1981. Кн. 4. С. 36.
12. Лозаев К. И. Вклад ученых Петербургского-Петроградского-Ленинградского университета в разработку кирилло-мефодиевской проблематики // Старобългаристика. 1985. Кн. 4. С. 6.
13. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. Т. 1. М., 1956. С. 40.
14. Бауэр Я. Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии // Magna Moravia. Прага, 1965. С. 469.
15. Тейка М., Лампрез А. К вопросу о славянском языковом единстве в период прихода в Моравию Константина и Мефодия // Magna Moravia. Прага, 1965. С. 463.
16. Веерка Р. Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском государстве // Magna Moravia. Прага, 1965. С. 495—496.
17. Petr J. K působení byzantské mise na Velké Moravě // Slovo a slovesnost. 1986. № 2. S. 87.
18. Щепкин В. Н. Русская палеография. 2-е изд., М., 1967. С. 22.
19. Бернштейн С. Б. В. Н. Щепкин. М., 1955. С. 24—25.
20. История культуры древней Руси. Под общ. ред. акад. Грекова Б. Д. и проф. Артамонова М. И. Т. II. Гл. IV. М.-Л., 1951. С. 123.
21. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 41.
22. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 243.
23. Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. Byzantinoslavica. I. 1929. С. 65.
24. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). М., 1977.
25. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. Отв. ред. книги Жуковская Л. П., М., 1984.
26. Цейтлин Р. М. К истории слова «драгоценный» в русском литературном языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 179—180.
27. Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986.
28. Кульбакин С. М. Охридская рукопись апостола конца XII века. София, 1907. С. 9.
29. Бирнбаум Х. О двух основных направлениях в языковом развитии // ВЯ. 1985. № 2. С. 38.

30. *Бернштейн С. Б.* К вопросу о периодизации истории болгарского языка // ИАН ОЛЯ. 1950. № 2. С. 113.
31. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 331.
32. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1277.
33. Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Л., 1976.
34. *Щепкин В. Н.* Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899. С. II.
35. *Роте Х.* Ценен труд по описание на стари славянски ръкописи в СССР // Език и литература. 1985. Кн. 4. С. 111.
36. *Волперский В. П.* // ИАН СЛЯ. 1986. № 4. С. 367. Рец.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.
37. *Тихвинский С.* Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // Коммунист. 1986. № 1. С. 106.
38. *Дементьев А. А.* Сборник задач и упражнений по старославянскому. М., 1975. С. 241—242.